

К истории пушкинских «Братьев разбойников»: ранняя рецепция поэмы¹

*Татьяна Степанищева (Тарту,
Тартуский университет)*

Значение Пушкина в русском литературном каноне столь велико, а оценка дарования столь неколебима, что исследователи избегают слова «неудача» при описании его неоконченных произведений. То же можно заметить и в отношении пушкинских сочинений, которые собрали меньшую, чем обыкновенно, дань читательской признательности, были недостаточно высоко или даже негативно оценены современниками. Хотя «пушкиноцентричность» истории русской литературы первой половины XIX в. была осознана давно и попытки ее преодоления предприняты в целом ряде исследований, оценка пушкинских текстов базируется на известном наборе риторических ходов. Если Пушкин ограничивался планом или конспектом, оставляя задуманное на уровне черновиков или не завершал текст, то причиной тому будет «стремительная эволюция», исключительно быстрое изменение творческих принципов, требовавшее отказа от устаревшего замысла. Если современники воспринимали очередное пушкинское произведение прохладно или, тем более, критически, то это будет описываться как свидетельство эстетической глухоты читателей, неспособность понять гения, который опередил свое время.

В представленной риторической схеме можно усмотреть рефлексы романтической концепции поэта, повлиявшей на современную критику и ставшей фундаментом пушкинской мифологии. Опровержение этой схемы в целом невозможно, она слишком глубоко вплетена в русскую культурную историю. Однако, как нам представляется, отказ от нее в пользу более пристального анализа пушкинского текста — анализа, в котором будут разведены история создания текста и история создания «легенды о тексте» — позволит уточнить некоторые аспекты творческой биографии Пушкина. Точнее, поможет разрешить вопросы, которые до сих пор затемняют историю некоторых пушкинских замыслов. Поэма «Братья разбойники», «отрывок», прохладно встреченный критикой и современниками, представляет собой удобный материал для такого анализа.

Реконструкция истории БР напоминает о вершинной композиции романтических поэм байроновского типа. Она строится на анализе двух планов и немногочисленных черновых фрагментов [Пушкин, IV: 372—380], которые дают следующую картину. Сюжет поэмы о разбойниках изначально не был ясен. Первоначальный фольклорный импульс трансформировался под влиянием актуальной литературы. Набросав последовательно два плана с сюжетом песенного типа, Пушкин начал его разработку в другом ключе: заимствуя приемы из ассортимента школы гармонической точности, исполь-

зую балладные мотивы и размер, попутно обдумывая сюжеты из легендарной русской древности, из условной «старины»:

На Волге, в темноте ночной
Ветрило бледное белеет
Бразда сверкает за к<ормой>
Попутный ветер тихо веет
Недвижны веслы, руль заснул
Плывут ребята удалые —
И стоя Есаул
                                песню
[Пушкин, IV: 374].

Для поэмы об отщепенце, сложившейся в итоге, наиболее значимой оказалась балладная поэтика Жуковского; ср. набросок «Молдавской песни»:

Нас было два брата — мы вместе росли —
И жалкую младость в нужде провели.
Но алчная страсть [овладела] душой
И вместе мы вышли на первый разбой

Курган серебрился при яс<ной> луне
Купец обробелый скакал на коне
[Его] мы настигли
И первую кровью умыли кинжал

Мы к убийству привыкли потом
И стали селяням ужасны кругом
[Пушкин, IV: 373—374].

Романтический сюжет, намеченный в обоих вариантах плана, Пушкин затем отложил — до «Бахчисарайского фонтана». В БР решалась другая задача: конструирование героя русской романтической поэмы на пересечении двух уже существовавших жанров, элегии и баллады. Новую поэму можно описать как опыт введения в «унылую элегию» героя страшных баллад Жуковского («истинная жизнь», «счастье» и все преступления героя — в прошлом) или наоборот: как делегирование «элегического голоса» балладному преступнику (уныние, сожаления, воспоминания)¹.

Жуковский своеобразно развил поэтическую тему «преступника», создавая баллады в узнаваемом элегическом стиле, языком гибким и изящным, задавая мотивно-лексические формулы и конструкции, которые впоследствии перешли в общий лирический фонд. Построив поэму о страдающем преступнике (в байроновском духе) на игре со стилем и приемами Жуковского, Пушкин развил его поэтический потенциал, ограниченный, как казалось «ученику», постоянными переводами. Он сделал из Жуковского «русского Байрона», которым тот не был, потому что Байрона не переводил.

Прививка простонародности («харчевня, кнут, острог») возвращала русскому поэтическому языку ту силу², которой, как следует из высказываний Пушкина о Жуковском, последний пренебрегал. Задачи (обновления сюжетного пространства поэмы и обновления поэтического языка) были исполнены, сюжетное повествование (исповедь грешника) вполне закончено. Начав поэму летом 1821 г., Пушкин закончил известный нам текст в апреле 1822-го. Публикация была отложена: предложение Н. И. Гнедичу издать БР осталось в черновике письма, написанного в последних числах апреля. Во-первых, только еще готовился к печати «Кавказский пленник», во-вторых, Гнедич был скуп на гонорары. Наконец, биографические обстоятельства не способствовали работе над изданиями.

Насколько известно, работая над поэмой о братьях-разбойниках, Пушкин не знал, что Жуковский, путешествующий по Европе, как раз занят Байроном и переводом его поэмы «Шильонский узник». Работа над переводом была начата во время заграничного путешествия (отметим, что Жуковский посетил и замок Шильон 3 сентября 1821 г.), окончена не ранее конца февраля 1822 г., а уже 14 апреля поэма получила цензурное разрешение. Летом 1822 г. Пушкин получил номер «Сына Отечества», где перевод был анонсирован и напечатан отрывок из него, и 1 сентября отозвался в письме Вяземскому: «...„Шильонского узника“ еще не читал. То, что видел в „Сыне отечества“, прелестно...» [Пушкин, XIII: 44]. В конце сентября (24–27-го) Пушкин получил от Гнедича обоих «пленников», своего и Жуковского. Неожиданная и тем более ясная параллель, возникшая между двумя поэмами, ставила вопрос о том, как теперь можно печатать БР. «Кавказский пленник» уже довольно близко напоминал «Шильонского узника», что могло вызвать подозрения в подражании. Публикация новой поэмы, героями которой были тоже пленники и к тому же братья, должна была их подтвердить. После публикации русского «Шильонского узника» поэма Пушкина глядела форменным подражанием Жуковскому — Байрону.

Именно тогда, как мы предполагаем, началось создание авторской «легенды» вокруг БР, целью которой было максимальное расподобление поэмы и перевода Жуковского, т. е. попытка повлиять на рецепцию поэмы, *направить* ее нужным автору образом. Пушкин начинает говорить об истории БР с осени 1822 г. — спустя значительное время после окончания известного нам текста³ и вскоре после чтения русского Байрона. Этот период, с осени 1822-го до первой публикации в марте 1825-го, — время формирования «творческой истории» поэмы или, точнее говоря, авторской легенды о ней. По нашему мнению, ее следует рассматривать отдельно от «авторской неудачи» (как можно назвать раздробление замысла, частичное исполнение плана). Как же формировалась авторская легенда?

Первый ее слой восстанавливается из письма Е. Орловой А. Раевскому от 8 декабря 1822 г.:

Пушкин послал брату Николаю отрывок поэмы, которую он не думает ни печатать, ни кончить. Это странный замысел, отзывающийся, как мне кажется, чтением Байрона [цит. по: Летопись: 296–297].

Почему именно Раевским автор сообщил текст новой поэмы? Екатерина Орлова была свидетельницей того, как Пушкин летом 1820 г. читал и переводил Байрона вместе с ее братом Николаем и сестрой. Характерно, что в своем письме она отметила именно байроновское влияние: *«отзывающийся, как мне кажется, чтением Байрона»*. Возможно, выбор Раевских в качестве первых читателей поэмы был обусловлен этим литературным оттенком их общих воспоминаний. Читатели Байрона, они могли заметить и указать более глубокие корни «странного замысла», заложенные гораздо ранее появления русского «Шильонского узника». Но автор специально отметил, как явствует из письма Орловой, другую особенность своего творения: оно было не окончено и не предназначалось к публикации. Так к концу 1822 г. оформился первый слой авторской легенды о «Братьях разбойниках»: это — *отрывок, не предназначенный для печати*.

Весной 1823 г. поэма о братьях-разбойниках начала расходиться по Петербургу. 8 мая А. И. Тургеневу удалось получить список, и на следующий день он предлагал Вяземскому списать для него БР:

Есть ли у тебя отрывок Пушкина «Братья разбойники»? Я вчера только достал его. Если нет, то пришлю... [Остафьевский архив, II: 321–322].

10 мая Тургенев был в гостях у Батюшкова, где вместе с хозяином и его приятельницей Е. Ф. Муравьевой читал новую пушкинскую поэму. Как мы узнаем из письма от 11 мая, Батюшков критиковал стиль БР (*«палач и кнут»*) *«d'une manière très piquant»* [Там же: 322]. В конце месяца Вяземский, получив текст отрывка, сообщал Тургеневу свои впечатления:

В его «Разбойниках» чего-то недостает; кажется, что недостает обычной очаровательности⁴ стихов его. Более всего понравилось мне: бред большого брата и сцепление увещаний в отношении старика с состраданием оставшегося брата к старикам. Я благодарил его и за то, что он не отнимает у нас, бедных заключенных, надежду плавать и с кандалами на ногах (31 мая 1823, Москва [Там же: 327]).

Около 20 мая известия о поэме дошли до Дерпта. Живший там Языков спрашивал брата в письме, что говорят в Петербурге о новой поэме Пушкина. Ее Языков, в соответствии со слухами, называет «Братоубийца»:

NB. Слышно, что Пушкин написал новую поэму: Братоубийца. Слышал ли ты об этом? и как похваляют ее критики? [Языковский архив: 73].

Еще один ранний отклик указывает, что пушкинские опасения насчет БР были оправданны, в поэме видели подражание переводу Байрона. П. П. Татаринов в письме к своему приятелю Н. И. Бухтину, находившемуся за границей, сообщает:

На литературном горизонте нет новостей, кроме новой поэмы Пушкина «Разбойники» — подражание «Шильонскому узнику». Она еще не напечатана; редкие читали ее и хвалят стихи [Вадуро: 104].

Известность поэмы росла, а распространение большого произведения в списках было прямо невыгодно для автора — пришло время думать о публикации. 13 июня 1823 г. Пушкин предложил БР издателю «Полярной звезды» Бестужеву:

В рассуждении 1824 года, постараюсь прислать тебе свои бессарабские бредни; но не лъзя ли вновь осадить цензуру и, со второго приступа, овладеть моей Анфологией? Разбойников я сжег — и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского, если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают <н>еж<н>ых ушей читательниц Пол<ярной> Эв<езды>, то напечатай его. Впрочем чего бояться читательниц? их нет и не будет на русской земле⁵, да и жалеть не о чем [Пушкин, XIII: 64].

«Отрывочность» БР, о которой ранее извещала брата Е. Орлова, здесь получила другую авторскую мотивировку. Пушкин не говорит, что «не думает кончить» поэму: она была окончена, но затем (якобы) сожжена. В приведенном эпистолярном фрагменте интересно также и то, что Пушкин не объясняет Бестужеву, каких «Разбойников» он подразумевает, — а значит, адресату это произведение должно было быть знакомо (можно предположить, что до него дошел какой-то из списков, ходивших по городу).

В письме Бестужеву Пушкин не назвал причин «сожжения» поэмы, но упоминание о возможном недовольстве читательниц «отечественными звуками» очерчивает следующий поворот авторской легенды: поэма была принесена в жертву автоцензуре как слишком разительная по новизне своих приемов, прежде всего стиливых. Упоминание *читательниц* отсылало к спорам о направлении современной литературы и влиянии на него «слабого пола». Пушкин помнил, что альманах «Полярная звезда» был адресован «любительницам и любителям русской словесности», а Бестужев в своем обзоре («Взгляд на старую и новую словесность в России») «главнейшей причиной» бедности отечественной литературы полагал «изгнание родного языка из общества и равнодушие прекрасного пола ко всему, на оном писанному». Таким образом, в своем письме Пушкин предлагал Бестужеву поэму, которая соответствовала политике редакции и идеям редактора, т. е. должна была расширить горизонты русской литературы, вернуть родному языку его богатство. «Отрывочность» поэмы автор представлял не литературным приемом, не данью байронизму, а издержкой творческого метода, результатом самоограничения художника, сознающего возможности публики и границы дозволенного в печати.

Следующий компонент легенды появился в письме Вяземскому 11 ноября 1823 г. из Одессы:

Вот тебе и Разбойники. Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 820 году, в бытность мою в Екатеринославле, два разбой-

ника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы. Некоторые стихи напоминают перевод Шил<ьонского> Узн<ика>. Это несчастье для меня. Я с Жуковским сошелся нечаянно, отрывок мой написан в конце 821 года [Пушкин, XIII: 74].

Здесь на первый план вышло другое — возможный упрек в подражательности. Вяземский более других из тогдашних литературных друзей Пушкина увлекался Байроном, и то, что он вместе с Жуковским одно лето «бредил и питался» байроновой поэзией, было одесскому изгнаннику хорошо известно. Поэтому именно Вяземскому, одному из русских «байронистов», и были адресованы объяснения по поводу возможного «подражания».

Сведения о побеге из тюрьмы в 1820 г. братьев Засориных действительно обнаружены в летописях края, так что сомневаться в заявлении Пушкина о невымышленном характере фабульных событий БР нет оснований. Но впервые эта история упоминается лишь в письме к Вяземскому, спустя полтора года после окончания поэмы и три года после самого побега. Возводя сюжет ко времени «бытности своей в Екатеринославле» в 1820 г., аписание поэмы — к «концу 821 года», Пушкин указывал на биографический, а не литературный источник фабулы и отводил возможные упреки в следовании за Жуковским.

Еще один мотив в авторской легенде БР — непредназначенность поэмы для печати. Одесский знакомец Пушкина П. А. Муханов, получив от поэта «начало Разбойников и первую песнь Вадима», писал 13 апреля 1824 г. К. Ф. Рылееву:

У меня есть начало Разбойников и первая песнь Вадима; прислал бы тебе, но автор их назначил к истреблению и поэтому не хочет, чтобы ходили по рукам и даже говорили об оных. Но, зная твою аккуратность, может быть сдамся, получа убеждение в сохранении их в тайне [цит. по: Литературное наследство: 696].

Из этого письма можно заключить, что для автора судьба БР оставалась по-прежнему нерешенной, по крайней мере, эта неопределенность была частью эксплицируемой авторской концепции. Хотя Пушкин еще в июне назначил поэму Бестужеву для печатания в «Полярной звезде», он все равно говорил о необходимости «истребления» текста. И второй издатель альманаха, Рылеев, как будто не знал об отдаче БР для следующего выпуска «Полярной звезды» (как если бы Бестужев сохранял в тайне пушкинскую контрибуцию, которая тем временем ходила по Петербургу в списках⁶). И еще одно, по нашему мнению, свидетельство пушкинской нерешительности можно здесь указать. Летом, в июле 1824 г., когда БР проходили цензуру (о чем известно из письма Бестужеву), Пушкин спрашивал у Вяземского, отдал ли тот БР Кюхельбекеру для «Мнемозины». Значит, представление о том, печатать или нет поэму о братьях-разбойниках и если да — то где, постоянно менялось.

20 марта «Полярная звезда на 1825 год» вышла из типографии — и здесь начинается новый этап критической и литературной рецензии БР, которую автор пытался скорректировать. Что из этого вышло? Посмотрим на альманашный контекст поэмы, на те поэтические произведения, которые окружали пушкинский «отрывок».

В «Полярную звезду на 1825 год» Пушкин отдал кроме мелких стихотворений еще отрывок из «Цыган». Его публикация открывала литературный раздел. Поэма была завершена в октябре 1824 г., в январе она появилась в Петербурге (где Лев Сергеевич читал поэму наизусть, вызывая недовольство брата). Отрывок из новейшей поэмы впечатлил читателей гораздо сильнее, чем давно знакомая (по слухам, отрывкам или целиком) поэма о братьях-разбойниках.

Сразу по выходе альманаха из печати (25 марта 1825 г.) Рылеев писал Пушкину: «От „Цыган“ все без ума, „Разбойникам“, хотя и давнишним знакомцам, также чрезвычайно обрадовались» [Пушкин, XIII: 157]. Отзыв Рылеева указывает, хотя и непреднамеренно, на проблему — БР были уже давно известны, перестали быть новостью для читателей. Поэтому неудивительно, что в следующем письме, датируемом концом апреля, первенство безусловно отдано «Цыганам»:

В субботу был я у Плетнева с Кюхельбекером и с братом твоим. <...> После прочитаны были твои Цыгане. Можешь себе представить, что делалось с Кюхельбекером. <...> — Цыган слышал я четвертый раз и всегда с новым, с живейшим наслаждением. Я подыскивался, чтоб привязаться к чему-нибудь и [вот что] нашел, что характер Алеко несколько унижен. Зачем водит он медведя и собирает вольную дань? Не лучше ли б было сделать его кузнецом. Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь почему и зачем? Потому, что сужу поэму Александра Пушкина, за тем, что желаю от него совершенства. На счет слога, кроме небрежного начала, мне не нравится слово: рек. Кажется, оно несвойствен<но> поэме; оно принадлежит исключительно лирическому слогу. Вот всё, что я придумал [Пушкин, XIII: 168–169].

Бестужев, очевидно, еще до публикации мог обсудить поэму с автором, но писем его не сохранилось. Перед самым выходом альманаха он говорил с Пушкиным о «Евгении Онегине», но не о «Братьях разбойниках» (см. послание от 9 марта 1825 г. [Пушкин, XIII: 148–149]).

Исключительно о «Цыганах», хотя и в противоположном ключе, тогда писал автору Жуковский, это известный пассаж в его письме от 15 — начала 20-х чисел апреля («Я ничего не знаю совершеннее по слогу твоих Цыган! Но, милый друг, какая цель! Скажи, чего ты хочешь от своего гения? Какую память хочешь оставить о себе отечеству, которому так нужно высокое» [Пушкин, XIII: 165]). Здесь возникает вопрос, почему Жуковский умалчивает о «Разбойниках»: потому ли, что в них адресант видел «цель», или же потому, что поэма «без цели» была еще и несовершенна по слогу. Этот вопрос пока остается без однозначного решения. Но если мы предположим первое, то трудно представить, что Жуковский, вообще Пушкина ценивший очень высоко, умолчал бы об этом разительном примере «высокой поэзии».

П. А. Катенин, получивший «Полярную звезду на 1825 год» в апреле, остался альманахом недоволен, из всех пушкинских сочинений ему понравилась лишь послание Алексееву. О «Цыганах» он сообщил своему корреспонденту, что поэма «не по его вкусу», а о БР упоминания нет вовсе.

Николай Раевский-младший откликнулся на появление в печати двух поэм 10 мая, дав им в письме автору высокую оценку, особенно заметную на фоне оговорок в оценке «Кавказского пленника»:

... vous achèverez de populariser chez nous, ce langage simple et naturel que notre public est encore a ne pas comprendre, malgré les beaux modèles des Цыганы et des Разбойники. Vous achèverez de faire descendre la poésie de ses échasses. —

<...> Votre fragment des Цыганы qui a paru dans la Полярная Звезда avec une suite que je ne connaissais pas, est peut-être le tableau le plus animé, du coloris le plus brillant que j'aye jamais lu dans aucune langue. Bravo, Bravissimo! Votre Кавказской Пленник qui n'est point un bon ouvrage a ouvert une carrière qui sera l'écueil de la médiocrité. — Je ne suis point un partisan de [po<èmes>] longs poèmes; mais ces espèces de fragments démandent toute la richesse de la poésie; la forte conception d'un caractère et d'une situation [Пушкин, XIII: 172].

Перевод:

<...> Вы окончательно утвердите у нас тот простой и естественный язык, который наша публика еще плохо понимает, несмотря на такие превосходные образцы его, как «Цыганы» и «Разбойники». Вы окончательно сведете поэзию с ходуль. —

<...> Отрывок из ваших «Цыган», напечатанный в «Полярной звезде» вместе с продолжением, которого я не знал, является, может быть, самой живой картиной, полной великолепнейшего колорита, какую я когда-либо встречал на каком бы то ни было языке. Bravo, bravissimo! Ваш «Кавказский Пленник», хоть его и нельзя назвать хорошим произведением, открыл дорогу, на которой споткнется посредственность. Я отнюдь не поклонник [поэм] длинных поэм; но отрывки такого рода требуют всего богатства поэзии, крепкой обрисовки характера и положения [Пушкин, XIII: 535—536].

Раевскому «Братья разбойники» давно знакомы, из «Цыган» он читал лишь небольшой отрывок — но, несмотря на это, именно последняя поэма удостоивается более пространной похвалы, и даже три года назад вышедший «Кавказский пленник» признан открытием, хотя и с оговорками. Поэму о разбойниках было более оправданно именовать «отрывком» (вслед за автором), чем «Пленника»; именно она не принадлежала к числу нелюбимых Бестужевым «longs poèmes», однако в сопоставлении с другими опытами Пушкина в этом жанре БР все равно проигрывали, как мы можем заключить из разбора бестужевского письма.

По сравнению с другими поэмами Пушкина, БР получили мало критических отзывов в периодической печати: откликнулись лишь «Северная пчела» и дружественный тогда «Московский телеграф». Действительно,

о БР после их выхода говорили мало. Как нам представляется, здесь сыграли свою роль не только запоздалая публикация поэмы и не только соседство с поразившими публику «Цыганами».

Весной 1825 г. была опубликована стихотворная «киевская повесть» И. И. Козлова «Чернец». Несчастный слепец Козлов недавно взошел на русский Парнас. Обратившись к поэзии на рубеже 1810—1820-х гг., он оказался в ней учеником кроме Жуковского еще и Пушкина. Из европейских же поэтов Козлов пламенно поклонялся Байрону. Его «киевская повесть» открывалась эпиграфом из «Гяура», а сюжетно в отдельных эпизодах она напоминала «Корсара». Еще более «Чернец» был сходен с БР: «киевская повесть» строилась на исповеди убийцы, чье раскаяние поддерживалось памятью о погибшем близком создании. Сравнение БР с этой поэмой оказалось неизбежным.

Отклик литературного соратника и друга Вяземского был восторженным. Сравнение «Чернеца» и пушкинских поэм было твердо решено в пользу первого:

Я восхищаюсь «Чернецом»: в нем красоты глубокие, и скажу тебе на ухо — более чувства, более размышления, чем в поэмах Пушкина (письмо А. И. Тургеневу от 22 апреля 1825 г.) [Остафьевский архив, III: 114].

В упомянутом уже «Московском Телеграфе» Вяземский представил рецензию на творение Козлова:

Появление сей небольшой, но красотами богатой поэмы есть приятное событие в спокойной литературе нашей; а появление творца ее в тесном кругу первостатейных поэтов наших было, за несколько лет тому, неожиданным и отрадным феноменом в мире нравственном и поэтическом. <...>

Содержание «Чернеца» занимательно: главное лицо есть характер отменно поэтический, оживляющий в памяти некоторые воспоминания о Гяуре Байрона; сцена действия, самое действие, довольно простое, но быстрое и полное; отдельные подробности, язык стихотворный — все озарено, все одушевлено поэтическим пламенем [Вяземский: 186—187].

В сопоставлении реплики из письма и статьи выявляются причины предпочтения, оказанного Вяземским «Чернецу». Критик, подобно Жуковскому, требовал от романтической поэмы и ее автора «высоты» и «поэтического пламени». Козлова он признал «нравственным поэтом с отменным знанием сердца человеческого». В поэмах Пушкина Вяземскому, очевидно, не хватало «чувства», а также нравственности и поэтичности.

Следом за другими критиками выступил и дерптский обитатель Н. М. Языков, вообще строго оценивавший Пушкина:

«Чернеца» здесь еще никто не получил: его сильно хвалят в С<еверной> П<челе>. Дай Бог, чтоб правда, чтоб он был лучше Онегина (22 апреля 1825 г., Дерпт [Языковский архив: 176]).

Позволим себе отвлечься от строгих оценок Языкова. Конечно, недостаток «поэтичности» в БР как причина непопулярности поэмы у читателей, причина сдвига ее на периферию «пушкинского канона» в последующие эпохи — общее место историко-литературных построений. Но мы хотели бы специально отметить, что современная оценка БР формировалась на коротком промежутке и под воздействием ближайшего — по времени, по месту появления — поэтического контекста, который к тому же был почти генетически связан с БР.

О «Чернеце» писал Пушкину Александр Бестужев незадолго до выхода «Полярной звезды» из печати, 9 марта 1825 г.:

О здешних новостях словесных и бессловесных не многое можно сказать. Они очень не длинны по [содержанию] объему, но весьма, по скуке. Скажу только, что Козлов написал Чернеца и говорят недурно. У него есть искры чувства, но ливрея поэзии по нем еще не обносилась, и не дай бог судить о Бейроне по его переводам: это лорд в Жуковского пудре [Пушкин, XIII: 149].

Раевский-младший в уже процитированном письме также разбирает и «Чернеца»:

Il y a de la véritable sensibilité, de l'observation (j'allais dire de la connaissance du coeur humain), une intention heureuse et bien exécutée, enfin un style pur et de la véritable poésie dans le Чернец, tant que Козлов parle d'après lui même; mais pourquoi a-t-il pris pour cadre une parodie du Giaour et finit-il par une longue paraphrase d'un passage de Marmion. Il a imité, et parfois très heureusement, voire narré rapide et les tours de phrase de Жуковский [Пушкин, XIII: 172–173].

Перевод:

Я нахожу подлинную чувствительность, наблюдательность (чуть было не сказал — знание человеческого сердца), удачный замысел, хорошо выполненный, наконец, чистоту слога и истинную поэзию в «Чернеце», откуда Козлов говорит от себя; но зачем он избрал рамкой пародию на «Гяура», а кончил длинной парфразой одного места из «Мармион»? Он подражает, иной раз весьма удачно, вашей быстроте изложения и оборотам речи Жуковского [Пушкин, XIII: 536].

Даже в критическом отзыве А. Ф. Мерзлякова (в письме Хвостову) «Цыганы», БР и «Чернец» поставлены в один ряд:

...что от нынешних романтиков приобрели язык наш, поэзия, вкус и особенную нравственность (в поэмах Цыган, Разбойников и Чернецов!!!) и что они теряют или уже потеряли!.. [Летопись: 506].

Сходство «Чернеца» с пушкинскими поэмами, замеченное критиками, не повлияло на популярность «киевской повести» среди читателей. Поэма Козлова была значительно более востребована, уже летом вышла вторым

изданием, а затем третьим (три выпуска за год — знак исключительной популярности). В июле того же года «Отечественные записки» в неподписанной заметке о втором издании «Чернеца» отдали поэтическое первенство Козлову, несмотря на отмеченное влияние Пушкина — за более высокие нравственные достоинства творений:

При чтении <...> кажется по временам, будто бы отзываются звуки лиры Пушкина, но задумчивая мечтательность и глубокое сердечное чувство, которое не столь постоянно у Пушкина, обнаруживают более сродство с поэзией Жуковского [Летопись: 531–532].

М. Н. Загоскин писал автору «киевской повести», что тот совершил чудо, заставив комического писателя плакать; Н. И. Гнедича поэзия Козлова иногда, по его словам, «так царапала за сердце», «что не усидишь на месте»; Баратынский собирался «изучать», а не просто читать «Чернеца», после которого ему «было совестно» говорить о своей «Эде».

Таким образом, причины относительной неуспешности БР можно усматривать не только в разительной новизне поэтического языка, но и в обстоятельствах публикации «отрывка».

Пушкин долго не решался публиковать его, опасаясь обвинений в подражании Жуковскому, его переводу байроновского «Шильонского узника». Дошедшие до нас высказывания сочинителя о поэме могут быть интерпретированы как попытка задать направление прочтения поэмы, моделировать ее восприятие, чтобы избежать упрека в подражании. Однако, когда «Братья разбойники» все-таки дошли до печати, они все равно оказались в опасном соседстве. Причем соседствовали они со стихотворной повестью, сочетавшей в себе влияния как Байрона и Жуковского, так и самого Пушкина. Таким образом, «Чернец» оказался чем-то вроде сочинения «третьего поколения» в русской романтической поэзии — но оно было поставлено выше второго (за возвращение к «нравственным ценностям» первого, т. е. Жуковского).

Обновление жанра поэмы и особенно поэтического языка, произведенное Пушкиным в БР, осталось неоцененным. Лирический традиционализм был востребован значительно сильнее.

Особенно стоит отметить, что в той же «Полярной звезде на 1825 год» был опубликован еще один «отрывок», название которого содержит указание на род занятий действующих в нем лиц — тот же, что и в пушкинской поэме, — это «Разбойники» Н. М. Языкова. Жанровое определение и заглавие обнаруживают близкое сходство с пушкинской поэмой, а сюжет и особенности поэтики свидетельствуют, что Языков не только знал текст БР до публикации, но, вполне вероятно, был знаком и с ходом работы над ней. Его сочинение начинается с картины ночного плавания по Волге (как в первом наброске БР), продолжается песнью разбойников — как было намечено в обоих вариантах плана БР, и завершается описанием разбойничьих подвигов. Таким образом, оно довольно точно отражало начальные

фрагменты БР. Сходство было отмечено в рецензии Н. А. Полевого на «Полярную звезду», вышедшей в журнале «Московский телеграф»:

В нынешней «Полярной звезде» находим обещание трех отличных наших поэтов, <...> находим отрывки из трех, начатых, но еще не изданных поэм гг. Рылеева, Языкова и еще одного поэта. Первый, недавно издавший «Войнаровский», напечатал три отрывка из новой поэмы своей «Наливайко». Сильные мысли и правильные, чистые стихи составляют достоинство особенно одного из сих отрывков: «Исповедь Наливайки». В отрывке из поэмы г. Языкова «Разбойники» более огня, смелости выражений и поэтической жизни. В отрывке из повести «Эда» отзывается какая-то унылость, мечтательность, которою ознаменованы все творения певца «Эды». Отдаем полную справедливость всем трем. Кстати сказать здесь несколько слов тому рецензенту, который не верил замечанию нашему, что почти все ныне подражают Пушкину. Пусть он рассмотрит отрывки из трех поэм в «Полярной звезде»: не родня ли они поэмам Пушкина, не говоря о том, что и самое желание писать поэмы возбуждено у нас примером Пушкина? [Пушкин в прижизненной критике: 293].

Таким образом, ситуация 1822 г. к 1825-му перевернулась почти зеркально. Пока Пушкин взвешивал, стоит ли публиковать «странный замысел» о братьях-разбойниках, в котором он «случайно сошелся» с Жуковским, и конструировал легенду о происхождении сюжета поэмы, которая отвела бы подозрения в подражании, ситуация в русской поэзии изменилась настолько, что поэмы Пушкина сами стали объектом для подражания.

Примечания

- ¹ См. об этом: *Проскурин О. А.* «Братья-разбойники» и «Шильонский узник» (Как и почему Пушкин сошелся с Жуковским) // *Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea.* Stanford, 2008. P. I. P. 129–146; *Степанщицева Т.* К творческой истории поэмы Пушкина «Братья-разбойники»: замысел и статус текста // *Natales grate pueras?*: Сб. ст. к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб., 2008. С. 516–527; *Она же.* К истории создания «Братьев-разбойников» (В чем Пушкин «сошелся нечаянно» с Жуковским?) // Юбилейный сборник к 75-летию проф. М. О. Чудаковой. М., 2012. С. 412–421.
- ² Характерно, что в похвале мастерству Жуковского как переводчика Байрона Пушкин использовал именно понятие силы (из письма Гнедичу, с цитатой из послания Вяземского Жуковскому: «Силач необычайный», «слог <...> ужасно возмужал»).
- ³ Вопрос о составе и ходе формирования текста мы оставляем в стороне. Допечатной истории БР посвятила специальную работу А. С. Бодрова («Вокруг „Братьев разбойников.„: разговоры о поэме и проблемы истории текста»). За возможность ознакомиться с исследованием до публикации я сердечно благодарю автора.
- ⁴ Интересно, как это соответствует мнению Пушкина о «Шильонском узнике» Жуковского: «слог его „возмужал, но утратил прежнюю прелесть“».
- ⁵ Цитата из думы К. Ф. Рылеева «Иван Сусанин».
- ⁶ 15 сентября издатели «Полярной звезды» написали гневное письмо Воейкову, осуждая его за литературное браконьерство (на тот момент БР уже прошли цензуру).

Примечательно, что в сентябре-октябре Рылеев, составляя список назначенного к печатанию в альманахе на 1825 г., БР в него не включил [Летопись: 443].

Литература

- Вацуро — Вацуро В. Э. Из неизданных отзывов о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии, 1975. Л., 1979. С. 98—110.
- Вяземский — Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1878. Т. I.
- Летопись — Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Л., 1999.
- Литературное наследство — Пушкин по документам архива М. П. Погодина / Публ. М. Цявловского // Лит. наследство. Т. 16/18: [Александр Пушкин]. М., 1934. С. 679—724.
- Остафьевский архив — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. I—III.
- Пушкин — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937—1959.
- Пушкин в прижизненной критике — Пушкин в прижизненной критике: 1820—1827 / Пушкинская комиссия РАН; Гос. пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. СПб., 1996.
- Языковский архив — Языковский архив. Вып. 1: Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829) / Под ред. и с объяснит. примеч. Е. В. Петухова. СПб., 1913.

ЛОТМАНОВСКИЙ
СБОРНИК

4

О·Г·И
Москва 2014